

СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

О культурологическом наследии В.И. Ленина (к 144-й годовщине со дня рождения)

В.Л. Кургузов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40В,
стр. 1, Улан-Удэ, Россия
vlkurguzov@rambler.ru
Статья поступила 27.12.2013, принята 17.02.2014

В статье предпринята попытка критического анализа марксистской концепции культуры и проблем ее творческого развития в культурном наследии В.И. Ленина.

Ключевые слова: история, культура, искусство, литература, политика, народ, наследие.

About cultural heritage of V.I. Lenin (dedicated to the 144th anniversary of his birth)

V.L. Kurguzov

East Siberia State University of Technology and Management, 40V Kluchevskaya St., Ulan-Ude, Russia
vlkurguzov@rambler.ru
Received 27.2.2013, accepted 17.02.2014

The article makes an attempt to analyze critically the Marxist concept of culture and problems of its creative development in the cultural heritage of V.I. Lenin.

Keywords: history, culture, art, literature, politics, nation, heritage.

Как бы кто сегодня ни относился к имени В.И. Ленина, одно можно утверждать со всей определенностью: это имя величайшего мыслителя новейшей истории человечества, имя, с которым связан радикальный прорыв в этой истории, кардинально изменивший расстановку сил на мировой арене. Это имя в представлении абсолютного большинства людей тесно связано с теорией и практикой первой в мире социалистической револю-

ции, произошедшей в октябре 1917 года. Именно В.И. Ленин стоял у истоков того переломного момента новейшей истории человечества, истории, выбор которой сделал наш народ в октябре 1917 года.

Прошло уже 90 лет со дня смерти этой величайшей исторической фигуры XX века, человека, оставившего после себя огромное теоретическое наследие, многие выводы из которого остаются актуальными и в наши дни.

Именно к этому наследию более всего применимы слова С. Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

Много воды утекло с тех пор, многое изменилось, но память вновь и вновь возвращает нас к имени этого человека, к его историческому, теоретическому и культурному наследию, особенно к проблеме его интерпретации с позиций сегодняшнего дня. При этом культурное наследие В.И. Ленина, как и других выдающихся личностей, по моему разумению, не должно «прятаться» от глаз народа, не должно храниться в бронированном архивном сейфе с сургучными печатями и надписью на дверке «Не дышать!». Абсолютно глупо превращать любое наследие в икону. Наследие должно переосмысливаться, объективно оцениваться и работать на современность, позитивно влиять на социальную практику.

Оценивать наследие вождя мирового пролетариата, скорей всего, надо, исходя из фразы, которую юный К. Маркс процитировал в ответ на вопрос анкеты о своем главном качестве: «Ничто человеческое мне не чуждо». Эта фраза объясняет многое. В том числе и право на ошибку любого человека, гения в том числе. Как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает. Тем более, если это сделанное по своей грандиозности не имеет аналогов в прошлом, осуществляется в истории человечества впервые, и в мире нет никакого образца для сравнения или подражания свершаемому.

Когда кто-либо сегодня произносит имя Ленина, то оно мгновенно ассоциируется со словами *вождь мирового пролетариата*, русский марксист, политик, государственный деятель. Вместе с тем, мало кому известно, что Ленин, кроме того, был не менее выдающимся *культурологом*, а его *культурологическое* наследие играло и будет еще долго играть исключительную роль для судеб теории культуры в процессе ее воплощения в социокультурной практике.

Попутно замечу, что подобная участь, к сожалению, постигла и культурологическое наследие К. Маркса. Я, например, только в конце прошлого века, учась в докторантуре МГУ, узнал от моего учителя, известного российского философа В.М. Межуева о том,

что нам в советских вузах преподавали не того Маркса, который был на самом деле.

Первый перевод «Капитала» на русский язык, как известно, сделал член заграничной группы «Освобождение труда» Герман Лопатин. Но мало кто знает, что в этом варианте перевода недостает двух начальных глав, в которых Маркс ставит успех будущей социалистической революции в прямую зависимость от успеха предшествующей ей *революции культурной*. А она, по мнению Маркса, должна была осуществиться в течение 50-100 лет.

Именно по этой причине К. Маркс и Ф. Энгельс в своем «Манифесте коммунистической партии» даже не упоминают Россию как страну, в которой возможна социалистическая революция в тот исторический период. Вероятными для такой революции они называют Англию, Францию, Италию и Германию...

Однако русские марксисты, все без исключения, были большие «торопыги», им было некогда ждать в течение десятилетий результатов какой-то там «культурной революции». Поэтому и к революции этой они относились, как к делу второстепенному, подчиненному главному вопросу – осуществления *социальной* революции. Именно с их подачи (точнее сказать – недостачи) Маркс перед нами предстал не как выдающийся *культуролог*, а как выдающийся *социолог* и *экономист*, автор известной теории прибавочной стоимости.

Как известно, К. Маркс всегда оставался на позициях диалектики, а не метафизики, однако почему-то трактовал феномен культуры только с позитивистских позиций. Для меня это загадка: великий Маркс как бы не замечает очевидных диалектических противоречий в своем определении культуры, которую он понимает как *«совокупность материальных и духовных благ созданных человеком в процессе исторического развития»*.

Как культуролога меня, например, такое метафизическое определение культуры не устраивает по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, представлять культуру исключительно в качестве «совокупности благ», некой галактики Добра, всего того, что «радует глаз и ухо», в принципе невер-

но, ибо сразу же возникает вопрос – а куда же девать галактику «культурного Зла», которого в истории человечества, как сейчас говорят, «выше крыши»? Куда, например, девать такой феномен средневековой культуры, как инквизиция? Куда определить антигуманную литературу типа «Молота ведьм» или гитлеровской «Майн кампф»? Разве найдутся охотники оправдывать такие явления культуры, как наркомания, расизм, геноцид, проституция, которую М. Вебер не без оснований называл в своей «Протестантской этике...» «феноменом культуры»?

А *во-вторых*, в определении Марксом культуры меня не устраивает союз «и» – «материальных, – говорит он, – и духовных благ». С одной стороны, я не могу представить себе ту же атомную бомбу в качестве «материального блага», хотя она, бесспорно, является артефактом культуры, таким же, как, скажем наконечник копья первобытного охотника, что лежит в витрине современного музея в качестве именно *культурного*, а не какого-то другого наследия. По логике, в эту витрину мы должны положить и атомную бомбу.

Как видим, культура – не такая уж простая вещь, она не может оцениваться однозначно, и к ней вполне применима японская поговорка: «И в каплях слез улыбается солнце». Только так на нее и надо смотреть, как на диалектическое единство «солнца» и «слез», «плюсов» и «минусов». Культура, к сожалению, выше краев наполнена «антиблагами», и нам уже давно надо перестать смотреть на это феномен сквозь розовые очки. Но, к сожалению, смотрят. Смотрят все, не только простые люди, но и многие ученые-гуманитарии не замечают в культуре диалектических противоречий.

А вот В.И. Ленин, в отличие от К. Маркса, исходил из максимально *полного*, диалектического, расширительного толкования феномена культуры. Иными словами, Ленин относил к культуре *все* то, что создано *руками, умом и сердцем* человека. Современные же чиновники министерств культуры, от Балтики до Тихого океана, пользуются ограниченным понятием культуры, подменяя *культуру* феноменом *искусства*, и руководят преимущественно только им. При этом их вовсе не смущает то, что искусство,

наряду с наукой и религией, лишь *миллионная часть культуры*. Не потому ли наша отрасль культуры и торчит на самом последнем месте в бюджетах всех уровней? Российское государство последовательно продолжает финансировать отрасль культуры по остаточному принципу, доведя это финансирование до смехотворно низкого уровня – менее 1 % бюджетных ассигнований в год.

С другой стороны, кто же будет выделять большие деньги под разные «тансы-мансы»? Сумеем доказать государству, что вся политика, экономика, наука и религия – со всеми потрохами плоды культуры, тогда и деньги появятся. Создадим при министерствах культуры полноценные отделы, например, культуры производства, культуры быта, культуры деловых, межличностных, межкультурных, гендерных отношений (разве эти культуры не актуальны?), может быть, только тогда статус отрасли культуры поднимется на достойную высоту. А пока же констатируем лишь тот факт, что отсутствие должной теории, зауженное понимание феномена культуры очень больно бьет по социальной практике.

Есть, правда, и другой, не лучший вариант: назвать нынешние министерства культуры – Министерствами искусств, и никаких претензий не будет. Пусть они и занимаются веем тем, что радует глаз и ухо, а социальной «грязью» пусть занимаются полиция или какое-нибудь министерство социокультурных отношений... Но тогда и большую часть средств надо выделять им, а не отрасли культуры... Я, например, не понимаю, почему государство финансирует некоторые московские театры, со сцены которых звучат площадная брань и изысканный русский мат, и актеры уже давно не демонстрируют свое белье, а голыми разгуливают по сцене? Вывод сделать можно только один: выходит, государство солидарно с выводом о том, что культура началась с раздевания. Хотя, все как раз наоборот: культура началась с одевания. Адам и Ева, как известно, «устыдились своей наготы, скрылись в кустах смоковницы. И сшили себе опоясание...», т. е. набедренную повязку. Ни одно животное до этого не додумалось до сих пор. А вот, некоторые режиссеры и актеры – до-

думались и в ответ на критику отвечают, что в стране хотят установить цензуру. Да, хотим, что же тут плохого? Плохо развращать детей, а защищать их – долг не только родителей, но и государства.

Современные теоретики культуры часто связывают учение о множественности культур народов мира с именем французского культуролога К. Леви-Стросса. Однако задолго до него именно В.И. Ленин сформулировал тезис о классовой борьбе как источнике развития и саморазвития культуры, который получил развернутое обоснование в его концепции «*двух культур*», смысл которой заключается в том, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры» и есть «господствующая культура» буржуазии. Иными словами, как подчеркивал Ленин: есть культура правящих «*верхов*», а есть культура угнетаемых «*низов*».

Характерная деталь: культура «верхов» Ленина практически не интересует. «Мы, – писал он, – из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и, безусловно, в противовес буржуазной культуре...» [1]. Ленин подчеркивает: «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман» [2]. Поэтому, по Ленину, выходит, что как понятие «национальной культуры», так и само явление «национальной культуры» нужно отбросить – как фикцию, как плод вредной и классово враждебной пропаганды.

Здесь возникает вполне очевидное, но, все же, объяснимое противоречие. Куда, спрашивается, девать другой полюс национальной культуры как часть единого ее целого? Ленин всегда был последовательным диалектиком и всегда читил ее закон единства и борьбы противоположностей. В данном случае эта «противоположность» в теоретическом дискурсе как бы исчезает.

Между тем, вопрос этот как в теоретическом, так и в практическом смыслах не так прост, как кажется на первый взгляд, ибо речь здесь идет, по сути дела, об огромном пласте национальной русской культуры, представленной не только Радищевым, Гер-

ценом, Огаревым, Салтыковым-Щедриным или Горьким, но и именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого. Что делать с ними? Ведь они бесспорные представители культуры «господствующих верхов».

Объяснение этому противоречию может быть только одно: для Ленина на первый план всегда выдвигалась *классовая борьба*, соответственно, и феномен национальной культуры рассматривался им в контексте приоритета этой борьбы над всем остальным.

«Наше дело бороться с господствующей черносотенной и буржуазной национальной культурой... бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа, против их «культуры» («буржуазной», «поповской» и т. п. – В.К.)... марксист всегда выделит вторую культуру... («пролетарскую культуру» – ленинский термин. – В. К.)... Всякое противопоставление... одной национальной культуре в целом другой якобы целой национальной культуры и т. п. есть буржуазный национализм, с которым обязательно беспощадная борьба» [3].

Первого рода «культура» (у Ленина в кавычках: в смысле – псевдокультура!?) оказывается уже «якобы целой»; что же касается второй культуры (без кавычек), то это выделяемые специально элементы в процессе борьбы с «первого рода культурой». С точки зрения марксизма – из целого каждой национальной культуры выделяются ее демократические и социалистические элементы, способные не только заместить, но и вытеснить собой саму «господствующую культуру».

Борьба с господствующей культурой, представляющей собой согласно Ленину «очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций», содержащей «пропаганду выгодных этим классам идей» – на ее свержение, уничтожение направлена, именно, «беспощадная», «непримиримая борьба» [4]. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм – вот два непримиримо-враждебных лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более

того: два мирозерцания) в национальном вопросе» [5].

Очень важно подчеркнуть, что для Ленина борьба с культурой (определенного рода) – точнее, борьба *против* этой культуры – это далеко не одно и то же, что противоборство между двумя культурами, которое является источником культурно-исторического развития. Для ленинской концепции «двух культур» характерно не «раздвоение единого», а возобладание одной культуры над другой, желанная и последовательно приближаемая победа одной из двух противоположностей.

Обосновывая свое классовое понимание «национальной гордости великороссов», Ленин выделял всего одну и единственную линию в развитии русской культуры, линию революционную, демократическую, социалистическую. Сославшись на «насилие, гнет и издевательства», которым подвергались Родина и русская культура «царскими палачами, дворянами и капиталистами», он очень точно выстраивал эту единственную линию. «Мы гордимся тем, – писал он, – что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...» [6]. Родившись как отпор насилию, эта линия в развитии русской культуры, по словам Ленина, доказала, что великорусская нация «способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» [7].

Однако резать единую национальную культуру приходилось по живому, буквально «выщипывая» революционно-освободительное ядро в целостной национальной культуре. В связи с этим Ленин пишет: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Пучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» [8].

Таким образом, на мой взгляд, Ленин вполне сознательно породил указанное выше противоречие, якобы, не замечая закономерности действия *закона единства и борьбы противоположностей*. Для Ленина подобного рода «нарушения» в теории были недопустимы, о чем свидетельствует практически все его теоретическое наследие. Недаром же он утверждал в своих «Философских тетрадях»: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [9]. Однако, несмотря на эту аргументацию, основания для полемики по этой проблеме сохраняются и до сих пор.

В принципе, конечно же, нет ничего запретного или трудного в том, чтобы выделить из целого национальной культуры и взять только демократические и социалистические ее «элементы». Для этого в культурологии существует целый раздел – *типология культуры*. Более того, не очень сложно и представить аккумуляцию этих элементов в виде некоего, впрочем, весьма эклектичного целого (пусть и названного «пролетарской» или «социалистической» культурой), отбросив при этом все остальное как «буржуазно-черносотенно-клерикальную» культуру. Но не слишком ли *широким* получается определение чуждой интересам пролетариата культуры – «от Пуришкевича до Струве»? И не слишком ли *узким* оказывается спектр культуры, приемлемой для пролетариата – только «от Чернышевского до Плеханова»?

Даже если мы расширим этот спектр за счет Белинского, Герцена, декабристов, Радищева, если мы прибавим к демократической культуре имя Л.Н. Толстого «как зеркала русской революции», – и даже тогда русская культура будет поражать своим одноцветием (и это при всем величии Герцена и всей гениальности Белинского, ни у кого сомнений не вызывающих!). Что бы там ни говорить, но декабристы не могут, даже все вместе, восполнить отсутствие Пушкина, Герцен – исключить Гончарова и Тургенева, а Белинский – Гоголя, Лескова и Достоевского...

Граница «двух культур», как это убедительно показывает сам Ленин, проходит прямо по творчеству Л.Н. Толстого: сила в нем противостоит слабости, мощь – ограниченности, искренность – лжи и фальши, критика и протест – ужасу и отчаянию, разум – предрассудку, помещик – крестьянину. «С одной стороны» и «с другой стороны» – такая же трещина, по убеждению Ленина, проходит в сердце Герцена, Некрасова, Тургенева, Горького... Отсюда их колебания между революционностью, демократизмом и социализмом – с одной стороны, и интеллигентским либерализмом, а то и реакцией – с другой. И это вполне понятно, ибо классовая борьба разворачивается, прежде всего, в душах людей, – в душе каждого деятеля культуры.

В каждом, условно говоря, Толстом мы усматриваем двух Толстых: в одном говорит «господствующая» культура («то, что отошло в прошлое», предрассудок и т. п.), в другом – элементы демократической и социальной культуры («что принадлежит будущему») – именно «это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат» [10]. Такая методология, с моей точки зрения, разумеется, применима и к другим русским писателям – Пушкину и Лермонтову, Тургеневу и Гончарову, Чехову и Короленко.

Таким образом, хотим мы этого, или не хотим, но теория «двух культур», с одной стороны, гениально обозначает действительно существующие и по сей день различия, антитезу двух противоположностей, но, с другой стороны, не менее объективно обращивается утратой мощного пласта отечественного культурного наследия, иными словами, приводит к вивисекции феномена культуры как целостной и, в сущности, неделимой системы культуры.

На самом деле, только их диалектическое единство (не отменяющее острой борьбы, но не исключающее и их взаимовлияния) обуславливает, с одной стороны, устойчивую определенность, самоидентичность каждой национальной культуры как неповторимо-своеобразного явления; с другой стороны – ее непрерывное поступательное развитие и взаимодействие с иными национальными культурами, развитие противоречивое, «не-

линейное», со своими «перерывами постепенного отступления», остановками, скачками, но ничем не останавливаемое.

Да и трудно, с теоретической точки зрения, предположить, чтобы лишь разрозненные, удаленные друг от друга «элементы» демократической культуры выступали как единственный «двигатель» истории каждой, в том числе и русской культуры, в то время как «очень широкое и очень глубокое идейное течение», представляющее с позиций 1913-1914 гг. «господствующую» культуру, имело бы очень слабое, поверхностное влияние на развитие национальной культуры в целом.

При этом несомненно то, что гениально подмеченная В.И. Лениным закономерность, согласно которой в развитии российского общества и культуры на первый план выходят поочередно то центростремительная, то центробежная тенденции культурно-исторического процесса, выражаема в обратном пропорциональной зависимости: периоды демократического подъема характеризуются приоритетами социальных проблем над национальными, периоды общественного спада отличаются ослаблением социальной проблематики и выдвиганием на авансцену общественных интересов, как отмечал В.И. Ленин, «принципами национальной самостоятельности» [11].

Каким образом происходит эта «пульсация» культуры, какова периодичность ее «сжатий» и «расширений», чем определяется амплитуда культурно-исторических «колебаний» – на все эти вопросы может ответить лишь глубокое культурно-историческое исследование взаимоотношений «двух линий» в развитии русской национальной культуры. И в этом исследовании без теоретического вклада В.И. Ленина в развитие отечественной культурологической мысли – не обойтись.

Однако величие, гениальность Ленина как теоретика, политика и человека в том и состоит, что он никогда не боялся признаваться в своих просчетах. И мы видим, что в своих последних статьях и письмах, которые называют политическим завещанием вождя, особенно периода перехода к НЭПу, когда стало вполне очевидным, что надежда на мировую революцию не оправдалась, и со-

циализм нам придется строить в одиночку, методом проб и ошибок (ибо до нас этим никто не занимался, и опыта нам почерпнуть было негде), В.И. Ленин существенно скорректировал свои взгляды на эту проблему, призвав соратников «изменить весь свой взгляд на социализм».

В частности, в своих дискуссиях с деятелями Пролеткульта, которые все поголовно отрицали «старую» культуру, В.И. Ленин настоятельно убеждал их в ошибочности и даже вредности подобного рода воззрений. Он неоднократно советовал им, что в построении новой социалистической культуры «нам надо обогатить свою память всем тем, что накопили предшествующие поколения человечества». Ленин особо отмечал, что строительство социалистической культуры нельзя успешно осуществлять вне развития *мировой цивилизации*. Но, что самое главное, – это все выразилось в практике осуществления грандиозной по своим масштабам ленинской «культурной революции», основным содержанием которой явилась борьба с *неграмотностью* и подготовкой своих национальных кадров. Эта грандиозность видится хотя бы в том, что, согласно переписи 1897 года 73 % населения Российской империи от 9 лет и старше было неграмотным. Среди женского населения национальных окраин России накануне Октябрьской революции полная неграмотность составляла 92 %. Уже к концу 30-х годов прошлого столетия эта задача была успешно решена. В решениях XVIII съезда партии отмечалась, что неграмотность в стране ликвидирована полностью и окончательно.

В заключение скажу, что В.И. Ленин, всегда творчески подходя к марксизму, любил повторять фразу: «Марксизм – это не догма, а руководство к действию». Эту мысль гениального человека мы можем всецело отнести и к теоретическому наследию самого Ленина. Нам надо не догматизировать его отдельные теоретические построения, которые были характерны только для определенного исторического периода, а учиться у Ленина его творческому подходу к реалиям действительности. Именно это, как мне представляется, и является актуализирующим фактором значимости ленинского теоретического наследия для современной действительности.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 39 т. Т. 24. Критические заметки по национальному вопросу. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. С. 121.
2. Там же. С. 120
3. Там же. С. 122.
4. Там же. С. 23.
5. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. М.: Политиздат, 1973. С. 107 (Полн. собр. соч., т. 26.)
6. Там же. С. 107-108.
7. Там же.
8. Там же.
9. Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу. М.: Политиздат, 1973. С. 318. (Полн. собр. соч.; т. 23.)
10. Ленин В.И. Л.Н. Толстой. Там же. С. 20.
11. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. М.: Политиздат, 1973. С. 108. (Полн. собр. соч., т. 26.)